

УДК 343.91
ББК 67.518**С.В. Шевелева**
*кандидат юридических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация***СВОБОДА ВОЛИ И ПРЕСТУПНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

В статье показана эволюция соотношения свободы воли и преступного принуждения путем анализа наиболее значимых нормативных актов XVII–XX вв., что позволяет определить истоки современных уголовно-правовых норм, отражающих взаимосвязь свободы воли и принуждения. В каждом историческом правовом документе выделены отдельные составы, где преступное принуждение является квалифицирующим признаком, и определены их хронологические рамки. Выявлены способы фиксации свободы воли в законодательных актах в отдельных институтах уголовного права дореволюционной России, такие как добровольный отказ от совершения преступления, крайняя необходимость, неоконченное преступление, возраст уголовной ответственности, невменяемость и др. Описано развитие дореволюционного уголовного законодательства России. Отмечено, что в его основу (несмотря на все споры в теории уголовного права) была положена идея о свободе воли и противостоящем ей принуждению. В законодательстве конца XIX – начала XX в. прослеживается четкое различие физического и психического принуждения, влекущих разные юридические следствия: первое имеет самостоятельную юридическую природу, тогда как второе следует расценивать по правилам крайней необходимости. Именно такой подход нашел отражение в Уголовном уложении 1903 г. и существует по сегодняшний день. Развитие уголовного законодательства привело к тому, что добровольность поступка становится критерием оценки действий лица в ряде иных институтов уголовного права (например, в неоконченном преступлении). В Особенной части уголовного права выстраивается система составов преступного принуждения; начиная с частных случаев принуждения, законодатель приводит их к общей норме в Уголовном уложении 1903 г.

Ключевые слова: преступность; личность преступника; преступное принуждение; крайняя необходимость; обстоятельства, исключающие преступность деяния; насилие.

S.V. Sheveleva
*Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,
Southwest State University,
Kursk, Russian Federation***FREEDOM OF WILL AND CRIMINAL COERCION:
RETROSPECTIVE ANALYSIS OF LEGAL REGULATION
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA****Abstract**

The article reveals development of relation between terms Freedom of will and criminal coercion. The study has been conducted basing on analysis of the most significant regulations of XVII–XX Centuries which allows to define origins of current criminal regulations representing relation between freedom of will and criminal coercion. In every historical document author highlights certain types of crime which involve criminal coercion as essential element. The author also defines chronological framework. The article studies ways of registering freedom of will in legislative instruments of certain criminal law institutes in pre-revolutionary Russia, etc. voluntary refusal to

commit crime, absolute necessity, inchoate crime, age of criminal discretion, mental incompetence and others. The author describes criminal legislation development in pre-revolutionary Russia. Despite all the arguments in criminal law theory, the author states that freedom of will and opposing coercion concept is the basic principle of criminal legislation. Russian legislation of the end of XIX – beginning of XX Centuries had clear distinction between physical and psychological coercion that lead to different legal consequences: physical coercion had its own legal nature and psychological coercion has to be considered in terms of absolute necessity. This approach found its way to the 1903 Criminal Code and still exists. Criminal legislation development resulted in fact that voluntariness of an act is a criterion of acts' evaluation in certain sphere of criminal law (i.e. inchoate crime). System of criminal coercion elements is developed in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. Starting from special coercion cases, the Legislator arranges them to a general form in the 1903 Criminal Code.

Key words: crime; personality of criminal; criminal coercion; absolute necessity; crime defenses; violence.

Проследив историю развития норм уголовного права о свободе воли и принуждении, во многом можно уяснить истоки современных уголовно-правовых норм и попытаться произвести правовой прогноз их развития, так как «...только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествующие периоды... История... указывает на естественную причину существовавших уродливостей и вообще того или другого состояния уголовного права, она констатирует источник его прогрессивности и дает данные для оценки как старых, так и новых теорий и учений уголовного права» [1, с. 4].

Обращаясь к интересующему нас предмету исследования, мы полагаем возможным начать наш анализ с Соборного уложения 1649 г. Более ранние дошедшие до нас письменные памятники права характеризуются казуистичностью, отсутствием абстрактных обобщений, краткостью текста, что оставляет больше простора для догадок и предположений, чем для исторического анализа. Соборное уложение 1649 г. стало базовым документом в уголовно-правовой области почти на два столетия [10]. Однако оценки его в литературе колеблются от резко критических до положительных [12, с. 23–24]. По нашему мнению, по отношению к прошлому Уложение есть несомненный шаг вперед, в сравнении же с будущими кодексами оно по вполне понятным причинам не выдерживает никакой критики.

Злая воля совершающего преступление уже отчетливо вырисовывается в тексте Уложения в приложении к нормам, устанавливающим ответственность за посягательство на

особу государя: «А будет кто сведав или услыша на царское величество в каких людех скоп и заговор или иной какой злой умысл, а государю и его государевым бояром и ближним людем, и в городех воеводам, и приказным людем про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертью безо всякия пощады» (ст. 18–19 гл. II). В литературе идет дискуссия о том, что понимается под «злым умыслом» в этом отрывке: обнаружение умысла или уже приготовительные действия, однако независимо от верного решения вопроса само по себе появление отсылки к «злому умыслу» примечательно [3]. Эта же «злая воля» становится определяющим признаком в иных преступлениях, например, в ст. 198 гл. X, речь в которой идет об умышленном воровстве, убийстве и иных преступлениях.

В Уложении вырисовывается прообраз убийства в состоянии необходимой обороны, за которое лицо не подлежит ответственности: «А будет тот, к кому они таким умышлением придут [имеется в виду ст. 198], боронясь от себя и дом свой обороняя, кого из них убьет до смерти и привезет тех побитых к судьям, и сыщется про то допряма, что он то убийство учинил поневоле, от себя боронясь, и ему того в вину не ставить. А кого он убьет, и ему то убийство учинится от себя, не приежжай на чужей дом насильством» (ст. 200 гл. X). И хотя о свободе воли и принуждении как общетеоретических понятиях Соборное уложение еще не говорит, но уже встречаются первые попытки различения свободного действия и действия по принуждению. Интерес в этом отношении

представляют две нормы той же самой главы X «О суде», в которой можно увидеть прообраз совершения сделки под воздействием принуждения. Это ст. 251 Соборного уложения. Противоположная ситуация (ложное утверждение о «невольной» записи) описывается в ст. 252.

В Артикуле воинском 1715 г. уголовное законодательство России получает свое дальнейшее развитие, однако большею частью в виде казуистически сформулированных установлений [7]. В частности, Артикул допускает ненаказуемость принуждения к исполнению обязанности («Ежели солдат когда от своего офицера в строй послан будет и оному попротивится, и офицер принужден будет его уязвить, тогда вина та офицеру отпустится» (арт. 79)), различает причинение вреда и смерти в состоянии необходимой обороны («по нужде» – арт. 141, 154). Достаточно подробно в Артикуле (исходя из его природы как военно-уголовного кодекса) регламентируется вопрос о сдаче крепости по крайней нужде (арт. 117–123), в этой связи формулируется состав преступления в виде принуждения подчиненными коменданта к сдаче крепости (арт. 119).

В законодательных актах XVII–XVIII вв., таким образом, можно наблюдать зарождение идеи свободной воли как основы преступления и противостоящей ей идеи принуждения как, во-первых, особого обстоятельства, исключающего ответственность лица, и, во-вторых, особой разновидности преступного деяния. Именно в этом русле развивается законодательство XIX – начала XX в. В проекте Уголовного уложения 1813 г. была впервые сделана попытка выработать общие положения уголовного права. В частности, в документе находит отражение идея об умышленном преступлении (§ 1), не исключается уголовная ответственность в случае совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения (§ 9), предполагается смягчение наказания в случае добровольного отказа от совершения (§ 15). В § 18 содержались извиняющие обстоятельства, такие как невменяемость, возраст, необходимая оборона и др. К отдельным разновидностям преступного принуждения в проекте Уголовного уложения относились, например, принуждение христианина к закону нехристианскому (без раскрытия деталей такового, § 125), жестокое насилие и притеснение ко вступлению в брак (§ 284–288), при-

нуждение подчиненного со стороны начальника к совершению преступления (§ 309).

Свод законов уголовных 1832 г. представлял собой «компиляцию, созданную путем механического устранения, с одной стороны, действительно отмененного, а с другой – и всего загромождающего тот или другой отдел, – компиляцию, приводящую в конце концов к формулам, не приспособленным для применения к наиболее обычным в жизни случаям» [12, с. 442]. Вместе с тем в Своде появляется первая норма (ст. 135) общего характера о принуждении, помещенная в гл. V «Об освобождении от наказания, отсрочке и отмене ононого», которая является фактически прообразом современной редакции ч. 1 ст. 40 УК РФ с той лишь разницей, что законодатель того времени не делил принуждение на психическое и физическое. К отдельным составам преступного принуждения в Своде относились, например, насильственное отвлечение от православной веры (ст. 188, 189), превышение прав родительской власти (принуждение детей к бракосочетанию без их к тому желания и принуждение детей против их воли ко вступлению в монашество (ст. 653)).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. фактически представляет собой первый кодифицированный акт в области собственно материального уголовного права [11]. Его издание было обусловлено непригодностью свода законов 1832 г. к практическому применению вследствие наличия в нем множества устаревших, внутренне противоречивых и несогласованных норм. Устранить эти недостатки было призвано Уложение 1845 г., оно, в свою очередь, претерпевало серьезные изменения в 1866 и 1885 гг. и практически в полном объеме действовало вплоть до окончания истории дореволюционного уголовного законодательства. Уложение стало основой для развития российской уголовно-правовой науки, достигшей в конце XIX – начале XX в. пика своих достижений. В первоначальной редакции Уложения подчеркивались требования различать умышленные и неосторожные деяния (ст. 5–7), признак умысла, приготовление, покушение и совершившееся преступление (ст. 8–12).

Статья 98 Уложения (о причинах невменяемости в вину) рассматривала как извиняющее обстоятельство случай, малолетство («когда подсудимый не мог еще иметь понятия о

свойстве деяния»), безумие, сумасшествие и припадки болезни, ошибку, «принуждение от превосходящей непреодолимой силы» и необходимую оборону. В последующих статьях Уложения условия извинительности деяния при наличии этих обстоятельств описывались в больших деталях.

В связи с Уложением 1845 г. В.Д. Спасович указывал, что принуждение делится на физическое и психическое. Первое, в свою очередь, проистекает от действия сил природы (*vis major naturae*) или от других людей (*vis absoluta*), при этом последнее должно исключать возможность всякого сопротивления. Принуждение психическое (*vis compulsiva*) «предполагает, что субъект мог физически ему сопротивляться, оно направлено не на тело его, но на душу и может облекаться в двоякую форму: угрозы или приказа». Вопрос об уголовной ответственности при угрозе должен решаться по правилам крайней необходимости, однако при получении приказа следует оценивать его законность: «...солдат... обязан предполагать, что отдаваемый ему приказ законен, но если этот приказ очевидно незаконен и содержание его превышает власть приказывающего, то само исполнение его солдатом преступно, а приказ этот не может служить причиной невинения».

Следует отметить ст. 140 Уложения 1845 г., которая предусматривала в качестве смягчающего наказания обстоятельства вовлечение в преступление убеждениями, приказаниями или дурным примером людей, имевших над обвиняемым по природе или по закону «высшую сильную власть» (п. 6), и совершение преступления по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работе (п. 7). Уложение аналогично предшествующим нормативным актам выделяло отдельные составы преступлений, сконструированные с помощью признака принуждения, например, принуждение и насилие выступали в качестве квалифицирующих признаков соращения православного в иную веру (ч. 2 ст. 190, ч. 2 ст. 195) или воспрепятствования присоединению к вере православной (ч. 2 ст. 199), принуждение обвиняемого или свидетеля к признанию или даче показания соответственно, совершенное путем угроз или другими противозаконными средствами, где при этом истязания и жестокость – квалифицирующие признаки (ст. 462), принуждение к вступлению в брак (ст. 2041),

принуждение родителями детей ко вступлению в брак или пострижению в монашество (ст. 2078), принуждение одним супругом другого к какому-либо противозаконному действию через употребление во зло власти или доверенности последнего (ст. 2076), аналогично была сконструирована ст. 2079 применительно к родителям и детям [5, с. 28, 133].

Глава 9 «Об угрозах» разд. X Уложения криминализировала различные виды угроз (ст. 2035–2039): угроза, соединенная с требованием (ч. 4 ст. 2035, ч. 3 ст. 2036), угроза «с целью принудить угрожаемого к какому-либо противозаконному деянию» (ст. 2039). В последнем случае виновный в угрозах подлежал ответственности за покушение на такое противозаконное деяние при условии, что эти наказания были строже определенных в ст. 2035–2038 Уложения. Оценивая приведенные статьи Уложения, А.А. Крашенинников делит уголовно наказуемые угрозы на два вида: угрозы, имевшие целью принудить угрожаемого к какому-либо преступлению, и угрозы, соединенные с требованием денег или вещей или же с целью принудить угрожаемого к принятию на себя каких-либо невыгодных обязательств [2, с. 64]. Удавшееся принуждение, т.е. приведшее к реальному совершению преступления, наказывалось по правилам общих норм Уложения о соучастии, при неудавшемся подстрекательстве в виде принуждения другого к совершению преступления наказывался только принудитель. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, утвержденный в 1864 г., в интересующей нас части во многом копировал положения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уголовное уложение 1903 г. фактически формулирует идею свободы воли как основу вменения деяния в вину. Исключают свободу воли невменяемость (ст. 39) и малолетие (ст. 40). Более того, «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет, который не мог понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками...» (ст. 41). Комментируя эти нормы, Н.С. Таганцев отмечал, что «преступление относится не к области мышления, а к области деятельности, и для его вменения в вину совершившему необходимо, чтобы виновный, сознавая совершаемое, руководился или мог руководиться сознанным...». Не указывая на-

прямую принуждение в качестве обстоятельства, исключая виновность, Уложение подразумевало о нем в ст. 42: «Не вменяется в вину преступное деяние, коего учинивший не мог предвидеть или предотвратить». Источником такого принуждения могут быть или силы природы (непреодолимая сила), или действия другого лица (собственно физическое принуждение). Такое физическое принуждение превращает человека, по словам С. Будзинского, в бессмысленное орудие, управляемое непреодолимой силой, здесь невозможно говорить о деянии, а тем более о преступлении и наказании.

Статья 46 Уложения формулировала условия крайней необходимости: «Не почитается преступным деяние, учиненное для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством. Не почитается также преступным деяние, учиненное для спасения здоровья, свободы, целомудрия или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством, если учинивший деяние имел достаточное основание считать причиняемый им вред мало важным сравнительно с охраняемым благом». Говоря о незаконном принуждении, Уложение, таким образом, подводило психическое принуждение под понятие крайней необходимости, «относя... к крайней необходимости опасность, происходящую как от сил природы или от животных, так и от каких-либо действий другого лица, а в том числе и от принуждения насилием или угрозами, если только для виновного существовала возможность выбора, и он не находился ни в состоянии беспамятства или умоисступления, ни в состоянии физического принуждения». Недоведение преступления до конца по обстоятельствам, от воли виновного не зависящим, признается существенным признаком приготовления и покушения (ст. 49–50).

В Особенной части Уложения в общих чертах сохранилась преемственность с предшествующим законодательством, однако, во-первых, количество преступных деяний, связанных с принуждением как самостоятельным

деянием или способом совершения иного преступления, увеличилось, во-вторых, впервые были сформулированы общие нормы о преступном принуждении как деликте *sui generis*. Например, в ст. 507 Уложения была установлена ответственность за преступное принуждение. Более тяжкий состав предполагал ответственность за принуждение к покушению на совершение тяжкого или простого преступления (ч. 1 ст. 508); в случае когда такое преступление совершалось, виновный либо подлежал ответственности как его соучастник, если наказание за него было более строгим, чем в ст. 508, либо по ч. 2 ст. 508. Принуждаемый в последнем случае либо освобождался от уголовной ответственности на основании общих постановлений Уложения о принуждении (ст. 42, 46), либо отвечал как соучастник.

Частными случаями принуждения выступало принуждение к совершению богослужения или обряда, воспрещенных или недозволенных правилами вероисповедания, к которому принадлежит принуждаемый (ст. 80); к неисполнению служащим его обязанности, злоупотреблению служебными полномочиями (ст. 145) или совершению иного преступления (ст. 146); к неисполнению обязанности лицом, управляющим движением железнодорожного поезда, капитаном парохода или морского судна или другим лицом, от исполнения служебных обязанностей которого зависит безопасность железнодорожного движения, судоходства или мореплавания (ст. 148); к вступлению в брак (ст. 408, 420, 422); к учинению рабочими стачки, присоединения к ней или ее продолжения (ст. 509) и др. Принуждение в большинстве из указанных норм было наказуемо в том случае, если оно было совершено «посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы»; принуждение к вступлению в брак (ст. 420, 422) наказывалось в случае злоупотребления родительской или опекунской властью.

В некоторых составах преступлений принуждение выступало в качестве способа совершения преступления, включенного в основной или квалифицированный состав преступления. Например, традиционно Уложение устанавливало ответственность за совращение православного в иную веру, в том числе путем принуждения, под которым понималось насильственное принуждение либо более тяжко оцениваемое принуждение в виде насилия над

личностью или наказуемой угрозы (ст. 82–84, 86, 87). Аналогичная конструкция встречается также в составах половых преступлений (ст. 515, 516, 522 Уложения).

Анализируя конструкцию преступного принуждения в Особенной части уголовного права, И.Я. Фойницкий писал, что «свобода воли в смысле духовной как нечто внутреннее, сокровенное сама по себе не может быть предметом преступных посягательств; для них доступна лишь область внешних ее проявлений, возможность свободного распоряжения своими членами и вообще свободного, беспрепятственного выбора своей деятельности, понимая под последним как содеяние, так и бездействие» [13, с. 84]. Преступное принуждение им относилось к группе преступлений против личной свободы.

Развитие в Уложении 1903 г. системы составов преступного принуждения позволяет сделать вывод о том, что именно система принуждения была положена в его основу в затронутом отношении. Данный документ, завершающий эпоху дореволюционного российского законодательства, отразил в своем содержании взгляды представителей классической школы уголовного права, и, как следствие, была вос-

принята концепция свободной воли в качестве базовой в построении уголовного права.

Обобщая развитие дореволюционного уголовного законодательства России, необходимо отметить, что в его основу (несмотря на все споры в теории уголовного права) была положена идея о свободе воли и противостоящем ей принуждению. В законодательстве конца XIX – начала XX в. прослеживается четкое различие физического и психического принуждения, влекущих разные юридические следствия: первое имеет самостоятельную юридическую природу, тогда как второе следует расценивать по правилам крайней необходимости. Именно такой подход нашел отражение в Уголовном уложении 1903 г. и существует по сегодняшний день. Развитие уголовного законодательства привело к тому, что добровольность поступка становится критерием оценки действий лица в ряде иных институтов уголовного права (например, в неоконченном преступлении). В Особенной части уголовного права выстраивается система составов преступного принуждения; начиная с частных случаев принуждения, законодатель приводит их к общей норме в Уголовном уложении 1903 г.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права / А.Ф. Кистяковский. – Т. 1 : Общая часть. – Киев, 1875.
2. Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Крашенинников. – Ульяновск, 2002.
3. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А.Г. Маньков. – М., 1980.
4. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права / Н.А. Неклюдов. – Т. 1 : Преступления и проступки против личности. – СПб., 1876.
5. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права / Н.А. Неклюдов. – Т. 3. – СПб., 1878.
6. Проект Уголовного уложения Российской Империи. – Ч. 1 : Основания уголовного права. – СПб., 1813.
7. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. – Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. – М., 1986.
8. Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Законы уголовные. – СПб., 1832.
9. Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права / И.И. Солодкин. – Л., 1961.
10. Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. – М., 1961.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845.
12. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М., 2003.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. – 5-е изд. – СПб., 1907.

REFERENCES

1. Kistjakovskij A.F. Basic educational book of general criminal law. Vol. 1. General part. [Kistjakovskij A.F. Jelementarnyj uchebnik obshhego ugolovnogogo prava, T. 1 : Obshhaja chast']. Kiev, 1875.
2. Krasheninnikov A.A. Threat in Russian criminal law. Dissertation. [Krasheninnikov A.A. Ugroza v ugolovnom prave Rossii : dis. ... kand. jurid. nauk]. Ulyanovsk, 2002.

3. Man'kov A.G. 1649 Code – Russian feudal law code. [Man'kov A.G. Ulozhenie 1649 goda – kodeks feodal'nogo prava Rossii]. Moscow, 1980.
4. Nekljudov N.A. Guide to the Special part of Russian criminal law, Vol. 1: Crimes and offenses against person. [Nekljudov N.A. Rukovodstvo k Osobnojj chasti russkogo ugovnogo prava, T. 1 : Prestuplenija i prostupki protiv lichnosti]. Saint-Petersburg, 1876.
5. Nekljudov N.A. Guide to the Special part of Russian criminal law, Vol. 3 [Nekljudov N.A. Rukovodstvo k Osobnojj chasti russkogo ugovnogo prava, T. 3]. Saint-Petersburg, 1878.
6. Draft Criminal Code of the Russian Empire. Part 1: Fundamentals of Criminal law. [Proekt Ugolovnogo ulozhenija Rossijskoj Imperii, Ch. 1 : Osnovaniya ugovnogo prava]. Saint-Petersburg, 1813.
7. Russian legislation of X–XX Centuries: Vol. 4 of 9: Legislation of absolutism development period. Edited by A.G. Man'kov. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. : v 9 t, T. 4 : Zakonodatel'stvo perioda stanovlenija absoljutzizma / otv. red. A.G. Man'kov.]. Moscow, 1986.
8. Collection of laws of the Russian Empire developed by Decree of Czar Imperor Nicolas Pavlovich. Criminal laws. [Svod zakonov Rossijskoj Imperii, poveleniem Gosudarja Imperatora Nikolaja Pavlovicha sostavlennyj. Zakony ugovnyje]. Saint-Petersburg, 1832.
9. Solodkin I.I. Study on Russian criminal law history. [Solodkin I.I. Oчерки по истории russkogo ugovnogo prava]. Leningrad, 1961.
10. Tihomirov M.N. 1649 Council code. [Tihomirov M.N. Sobornoe ulozhenie 1649 goda]. Moscow, 1961.
11. Code on criminal and correctional punishment[Ulozhenie o nakazaniyah ugovnyh i ispravitel'nyh]. Saint-Petersburg, 1845.
12. Fel'dshtejn G.S. Main historic trends of criminal law science in Russia. Edited by V.A. Tomsinov, foreword by V.A. Tomsinov. [Fel'dshtejn G.S. Glavnye techenija v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii; pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova]. Moscow, 2003.
13. Fojnickij I.Ja. Criminal law course. Special part. Personal and pecuniary offenses. [Fojnickij I.Ja. Kurs ugovnogo prava. Chast' Osobennaja. Posjagatel'stva lichnye i imushhestvennye]. Saint-Petersburg, 1907.

Сведения об авторе

Шевелева Светлана Викторовна – доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», кандидат юридических наук, доцент, г. Курск, Российская Федерация; e-mail: Ssh46@rambler.ru.

Information about author

Sheveleva Svetlana Viktorovna – Chair of Criminal law Associated professor of Southwest State University, Candidate of Legal Sciences, Kursk, Russian Federation; e-mail: ssh46@rambler.ru.